

Выдав порцию откровений, Мэн Ханьюань полюбопытствовал:

— Так теперь ты скажешь мне, где именно услышал ту фразу?

Фан Чуньшэн, всё еще пребывая в глубоком шоке, словно не расслышал вопроса:

— Какую фразу?

Мэн Ханьюань окончательно поставил на нём крест. Если бы Фан прямо признался, откуда она, у него еще оставались бы сомнения. Но тот вел себя так, будто совершенно не понимал, в чём соль; он явно не осознавал, что эти слова принадлежат другой эпохе, и не видел в них ничего особенного.

«Похоже, этот тип и впрямь всего лишь книжный персонаж», — решил про себя Мэн.

Раньше он недоумевал, почему главный герой не пошел по каноничному пути и не поступил в ученики к Кун Хуайи. Он даже подозревал, что Чуньшэн тоже какой-нибудь «возвращенец» из будущего. Думал, не провернул ли тот какую-нибудь хитрость, чтобы прибрать протагониста к рукам и защитить. Но будь Чуньшэн регрессором, он бы ни за что не оставил Мэна в живых. В прошлой жизни Мэн Ханьюань не раз его подставлял, а Чуньшэн под конец умудрился даже прознать о Системе и был в курсе всех его грязных махинаций. Будь он тем самым человеком, прибил бы Мэна на месте.

Лишь когда на горизонте возник Лю Вэньюань, Мэн Ханьюань осознал, что всё куда интереснее. Регрессором оказался не Фан Чуньшэн, а сам главный герой.

Только вот Мэн не понимал, как можно быть таким покладистым. В прошлой жизни парня кинули так жестоко, а тут прошли годы — и Чжу Фуцин жива, и Лю Вэньюань в добром здравии, и Кун Хуайи всё так же процветает в роли главы Террасы Небесного Зеркала, купаясь в славе и роскоши.

Этот протагонист — либо святоша, либо полное ничтожество.

Впрочем, какое ему дело? Он, как попаданец, с таким трудом избавился от Системы, что теперь его единственная забота — жить в своё удовольствие. Пусть главный герой будет хоть святым, хоть слабаком — лишь бы не мешал Мэну наслаждаться земными радостями.

Все эти мысли промелькнули в голове Мэн Ханьюаня за долю секунды. Он вновь обратился к Фан Чуньшэну:

— Я про ту строчку: «У скудоумных деток радости полно».

Фан Чуньшэн изобразил полное непонимание:

— Да что в ней такого? Пару дней назад случайно подслушал в трактире, показалось забавным, вот и запомнил.

— А ты помнишь, как выглядел тот человек?

Тут в разговор вклинился Вэй Наньси:

— В толпе за день мелькают сотни лиц. Даже если кто-то ляпнул что-то забавное, неужели господин павильона думает, что можно запомнить внешность каждого встречного?

Он не удержался от шпильки:

— Ах да, я и забыл — господин павильона же провидец. Зачем спрашивать? Вам ведь стоит только пальцами шелкнуть, и вы сразу узнаете всё: и как тот человек выглядит, и как его зовут, и где он живет.

Мэн Ханьюань даже не обиделся на подначку. Игнорируя юношу, он снова спросил Фан Чуньшэна:

— Ладно, просто скажи, что это был за трактир.

Получив ответ, Фан Чуньшэн и Вэй Наньси наконец откланялись.

В этот момент 2333, находившийся в глубоком ступоре, наконец оклемался. После долгой череды уведомлений о системных ошибках он выдал:

— Он... он тот самый «пронзивший книгу»! Попаданец! Его же должны были поймать! Как же так?!

Фан Чуньшэн подумал, что если он когда-нибудь и умрет от разрыва сердца, то виновата будет эта Система. 2333 вечно впадал в истерику и визжал так, будто он — курица, к чьему горлу приставили нож. Звук был душераздирающим.

— Успокойся, — осадил его Фан. — У вас косяки случаются не в первый и не в десятый раз. Пора бы привыкнуть.

2333 всхлипнул:

— Ты что, меня презираешь?

— Нет, с чего бы.

Система издала икающий звук, полный обиды:

— Слишком дежурный ответ!

Фан Чуньшэну стало искренне любопытно, как устроены языковые алгоритмы Системы — это же надо быть таким чудом. Но спорить с ней он не стал, лишь спросил:

— Так ты собираешься вернуться в штаб и доложить?

— Ага, хочешь поскорее от меня избавиться, да? — На этот раз 2333 проявил неожиданную прозорливость. — Я — ответственная и серьезная Система! Разве я могу оставить тебя одного в такой ситуации? Твой противник — калач тертый, он даже Систему сумел обмануть! Ты представляешь, как опасно тебе оставаться одному в этом мире?!

«Рядом с тобой я больше боюсь за свой интеллект — вдруг он деградирует за компанию?» — подумал Фан Чуньшэн, но вслух ничего не сказал. Сил бороться за контроль над Системой у него всё равно не было, так что он лишь тяжело вздохнул.

Вэй Наньси долго ждал момента и наконец спросил:

— Что всё-таки не так с той фразой?

Фан Чуньшэн пришел в себя и усмехнулся:

— Ты меня спрашиваешь? Откуда мне знать.

Вэй Наньси тут же раскусил его:

— Ты выдал первую часть, он подхватил вторую. Его отношение резко изменилось — значит, слова имеют особый смысл. К тому же Мэн Ханьюань снова спросил, где ты их слышал. Не верю, что при твоей памяти ты бы так быстро забыл обстоятельства разговора.

Он добавил, глядя прямо в глаза наставнику:

— И еще: в последние дни мы с тобой не расставались ни на миг. Если бы кто-то в трактире произнес нечто подобное, я бы точно не пропустил это мимо ушей.

Фан Чуньшэн хмыкнул:

— Я что, так плохо сыграл?

—...

Вэй Наньси порой не знал, как реагировать. Стоило ему попытаться выведать тайны Фан Чуньшэна — и неважно, насколько железной была его логика, — Фан всегда умудрялся сбить его с толку какой-нибудь нелепой выходкой.

— Вовсе нет, — честно ответил Вэй Наньси. — Просто я слишком хорошо тебя знаю, потому и заметил неладное. Только не могу понять... почему?

— Не можешь — и не мучайся, — Фан Чуньшэн уклонился от ответа и, протянув руку, взъерошил волосы на голове юноши. — От лишних раздумий можно и облысеть.

Он поспешил сменить тему:

— Раньше я думал, что Кун Хуайи страдает по той принцессе от неразделенной любви, а оказывается, там всё куда... пикантнее.

— Её зовут Юэ Нюйсинь, — уточнил Вэй Наньси. — Похоже, шишу Юэ взяла фамилию матери, а Кун Хуайи — нет. Старик выглядит молодо, а с ровесниками ведет себя фривольно, атмосфера вокруг него всегда какая-то двусмысленная. Неудивительно, что её никто не считал его старшей родственницей.

Фан Чуньшэн покивал:

— Да уж, Санта-Барбара какая-то.

Мэн Ханьюань — ровесник Кун Хуайи, но при этом спутался с Юэ Нюйсинь. Сам он утверждает, будто стал жертвой: дескать, коварная женщина его окрутила и украла Диск Сердечной Луны, позволяющий провидеть судьбу. Однако после того, как он в лицо назвал Кун Хуайи «сыночком», версия о «безобидной жертве» выглядела неубедительно.

Вдобавок Юэ Цзян и Кун Хуайи — единоутробные брат и сестра, дети этой самой Юэ Нюйсинь. А ведь Юэ Цзян когда-то училась у Мэн Ханьюаня... Узлы в этой истории запутались так, что не распутать.

Но больше всего Фана Чуньшэна мучило чувство вины. Раньше он всерьез опасался, что между Вэй Наньси и Юэ Нюйсинь может что-то вспыхнуть. Теперь же, когда выяснилась правда об их возрасте, это казалось каким-то «закатным мезальянсом». Аж дышать трудно.

Хотя в мире культиваторов живут долго, может, такая разница в возрасте и не считается чем-то запредельным... Но всё же.

«Надо приглядывать за своей капусткой, чтобы никто её не сожрал и даже не надкусил», — решил Фан.

— Шишу Юэ, должно быть, еще не в курсе, — предположил Вэй Наньси. — Интересно, как она отреагирует, когда правда всплывет.

— Твоей шишу сейчас явно не до семейных драм, — вздохнул Фан Чуньшэн. — Она в Мире смертных вовсю наслаждается жизнью. Помнишь письмо от Чжу Фуцин? Юэ Цзян уже вышла замуж за того парня, что занял третье место на экзаменах. Фуцин писала, что сама составляла указ о браке, пока Юэ Цзян стояла у неё над душой. У бедной императрицы руки тряслись, но спорить с Юэ Цзян — себе дороже. Та больше всего боялась, что соученики из Зелёной долины будут её корить за этот мезальянс.

М-да, еще одна история «божественной любви на закате лет». Что за мир такой?

— Мэн Ханьюань сказал, что скоро об этой истории узнает всё поднебесье, — Вэй Наньси задумался. — Он сам хочет раздуть скандал? Или за этим стоит кто-то другой?

Фан Чуньшэн тоже находил это странным:

— Раз Кун Хуайи привел нас к Мэну, значит, их отношения не настолько паршивые, какими их выставил этот попаданец. С другой стороны, Кун мог просто не ожидать, что Мэн вывалит нам всю правду о Юэ Нюйсинь.

— Если эта история всплывет вместе с истинной личностью Юэ Нюйсинь, репутация Юэ Цзян и Кун Хуайи пойдет прахом, — добавил Вэй Наньси.

— Вот именно. Кун Хуайи — человек тщеславный. Для него лучше прослыть бабником и дуэлянтом, чем признать правду об их родстве. Кому же выгодно выставить это на всеобщее обозрение?

Вэй Наньси вдруг спросил:

— Если я скажу, что мне такой исход на руку, ты решишь, что это моих рук дело?

Фан Чуньшэн искренне удивился:

— А ты-то тут при чём?

Он не понимал, к чему этот вопрос. Неужели парень боится, что Фан его не поймет? Или что он проболтается о регрессии Вэй Наньси? А может, выдаст Юэ Цзян, как Вэй Наньси подставил Чжу Фуцин?

Даже если оставить в стороне невероятный факт перерождения, то «подстава» Фуцин заключалась лишь в том, что Вэй Наньси открыл ей глаза на правду. Даже если Фан расскажет об этом, Вэй Наньси ничего не грозит. Неужели он боится, что у Фана Чуньшэна проснется комплекс «святоши» и он начнет его поучать или, упаси небо, вредить?

За столько лет он стал считать Фана таким человеком?

Фан Чуньшэн решил, что пора расставить точки над «i». Крупные ссоры всегда начинаются с мелких недомолвок.

— У тебя насчет меня какое-то предубеждение? Или я произвожу впечатление человека, который мешает тебе мстить?

Вэй Наньси оторопел:

— Почему ты так решил?

Фан Чуньшэн пошел в лобовую атаку:

— Мэн Ханьюань упомянул какой-то «контракт о продаже себя». Если я не ошибаюсь, речь шла о Лю Вэньюане.

Фан знал гораздо больше, чем показывал. Просто после инцидента с Чжу Фуцин он старался не лезть в личные дела ученика, давая тому свободу действий.

— Мне донесли, что он в последнее время сам не свой. Перестал гулять с друзьями, всё время крутится возле Кун Хуайи. Он ведь шпионит за ним по твоему приказу?

Вэй Наньси понял: этот болтливый мечник из секты точно не умеет держать язык за зубами. Но он не ожидал, что Фан Чуньшэн по таким обрывкам информации вычислит всю схему.

— Ты прав, — неохотно признал Вэй Наньси. — Лю Вэньюань всегда был азартен, но раньше знал меру. Прикрывался учениками, а сам тайком сбегал в игорные дома.

— Я расставил ловушку. Позволял ему выигрывать у меня по мелочи целый месяц. Когда он окончательно вошел в раж и потерял голову, я сделал вид, что хочу отыграться, и предложил по-крупному. В итоге он поставил на кон свою жизнь... и проиграл.

2333 слушал их с открытым ртом. Он вообще не понимал, о чём речь. Лю Вэньюань ведь старший соученик Вэй Наньси! Зачем главному герою так поступать? По канону они должны быть не разлей вода! Даже если протагонист переродился, разве Лю Вэньюань его враг? Вроде нет...

— Теперь он связан со мной Контрактом жизни. Обязан подчиняться любому приказу. Стоит ему замыслить недоброе — и его жизнь прервется по моему мановению.

Фан Чуньшэн внезапно спросил:

— Ты проигрывал ему целый месяц... У тебя вообще духовные камни остались? Что же ты мне ничего не сказал?

Вэй Наньси:

—...

<http://bllate.org/book/17581/1713423>